

МЕТАКОММУНИКАТИВЫ ТЕМАТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В РУССКИХ МЕДИЙНЫХ ИНТЕРВЬЮ

Медиадискурс является специфичным типом речемыслительной деятельности, характерным исключительно для информационного поля масс-медиа (Е. А. Кожемякин, 2010).

Как правило, интервью рассматривается как «коммуникативное взаимодействие двух или нескольких людей для получения информации, производства и распространения нового знания в целях удовлетворения информационных потребностей общества» (Е. А. Николенко, 2008).

Метакоммуникация уточняет направление коммуникации, дает возможность конкретизировать коммуникативные роли говорящих, точно выражать интенции, правильно ориентироваться в динамике каждого речевого акта (Е. Г. Арюхина, 2006). Метакоммуникация рассматривается как процесс регулирования коммуникативного взаимодействия, осуществляемый посредством метакоммуникативных единиц (А. Н. Синицына, 2005). Такими единицами являются метакоммуникативные речевые действия, которые «представляют собой вербальные комментарии к коммуникативным актам», выполняющие дескриптивную функцию всего коммуникативного взаимодействия (Е. М. Дубровченко, 2010).

В ходе исследования русских медийных интервью было установлено, что одним из наиболее значимых типов метакоммуникативных речевых действий или ходов (далее – МКХ и метакоммуникатив), которые организуют коммуникацию в данном речевом жанре, являются МКХ, направленные на регу-

лирование темы. Однако нужно отметить, что семантико-прагматические разновидности МКХ тематической направленности, выделяемые в субдискурсах интервьюера и интервьюируемого, существенно отличаются как с количественной (52 % и 37 % соответственно), так и с качественной точки зрения, т.е. набором МКХ. В скобках приведено процентное соотношение метакоммуникативов тематического характера от общего числа МКХ всех иных разновидностей, выделенных в субдискурсах спрашивающего и отвечающего. Далее мы приводим процентное соотношение разных типов МКХ непосредственно тематической направленности в рамках конкретного субдискурса: интервьюера или интервьюируемого.

Например, в **субдискурсе русскоязычного интервьюера** доминируют следующие разновидности МКХ, регулирующих тему коммуникации в интервью: МКХ, способствующие введению темы – 31,5 % (*Сардана, прежде всего мне хотелось поговорить о вашем детстве, о школьном периоде*), ее смене – 10,3 % (*Демьян, я хотел перевести с темы ковида на тему, связанную с внутрироссийскими, достаточно яркими событиями*), МКХ, отвечающие за возврат к теме – 16,4 % (*но все равно вернёмся к нашим баранам во всех... во всех смыслах*), МКХ, направленные на проспективную фиксацию темы – 8,9 % (*сначала скажу, о чем сегодня говорить будем*).

Значительно реже представлены МКХ, способствующие развитию темы – 7,5 % (*не, подождите, Андрей, давайте разберемся*), уточнению темы – 5,5 % (*вот это как раз я и хотела уточнить. Как вы думаете...*) и ее завершению – 3,4 % (*последним вопросом добыю эту тему*).

В **субдискурсе русскоязычного интервьюируемого** превалируют МКХ, фиксирующие отказ от обсуждения/развития темы – 35,6 %, а также МКХ, маркирующие уточнение темы – 28,9 %. Отказ от обсуждения темы связан как с мотивированным нежеланием отвечающего говорить на определенную тему, т.е. с объяснением причины (*вообще, развод – это, конечно, очень тяжело. Поэтому о тех эмоциях, которые у меня внутри, я говорить не хочу*), так и с немотивированным, т.е. без объяснения причин (*ну, Советский союз ставил определенное условие. Сейчас чего о нем вспоминать?*). Причиной отказа респондента от ответа на конкретный вопрос может быть отсутствие его компетенции в обсуждаемой теме (*вы знаете, я в этом ничего не понимаю... . Вот даже не берусь говорить*). Мотивированный отказ от разговора на конкретную тему может быть выражен имплицитно с помощью предложения другой темы (здесь можно говорить о совмещении в МКХ двух функций: смены темы и отказа от обсуждения темы). В таком случае речь идет о предложении интервьюируемым темы, которая представляется ему более интересной или важной, чем та, что заявляется интервьюером (*– Начнем с того, что самой главной тайной Вашей жизни стала тайна Вашего отца... . – И вот, душенька, давай поговорим о высоком. Сейчас у нас год литературы*). При исследовании данной функционально-прагматической разновидности МКХ не редкостью

является и некооперативность речевых действий отвечающего (*ты меня спрашиваешь? Я не пресс-секретарь Дмитрия Анатольевича*). Не исключается и безапелляционность некоторых заявлений (*– Почему они не работают? – По кочану, Алексей*).

Примерами МКХ, отвечающих за уточнение темы, служат следующие: ну, я не говорю конкретно о Госдуме; я это просто к тому, что у нас две основные патриотические линии.

МКХ, выражающие введение/смену темы (10,5 % и 6,6 % соответственно), отвечающие за возврат к теме (7,9 %), ее развитие (6,6 %) и перспективную фиксацию (3,9 %), являются наиболее редкими в речевых партиях отвечающего. Примеры МКХ введения/смены темы: *я не могу обойти и то, что называется «оружием завтрашнего дня»; но давайте со спора хозяйствующих субъектов*. МКХ, отвечающие за возврат к теме, могут быть продемонстрированы следующими примерами: *и, наконец, в основе своей – я хочу вернуться к тому, с чего начал...; а это, возвращаясь к теме того, что офис больше неклассический*. МКХ развития темы: *и отсюда можно танцевать*. МКХ, отвечающие за перспективную фиксацию темы: *потом ещё, может быть, об этом поговорим; я потом отдельно расскажу про это*.

Средства языковой реализации тематических МКХ могут быть представлены как общими, так и специфическими индикаторами семантико- прагматических типов МКХ темы. К **общим** средствам манифестации МКХ темы относятся **делиберативные конструкции с глаголами речи говорить/рассказывать+о/про+объект разговора** (*расскажите о ваших творческих планах на ближайшее будущее*). Среди **специфических средств** выделяются формулы совместного действия **давайте+глагол речи+о/про+объект разговора** (*давайте еще об одной сфере взаимодействия*), глаголы движения в переносном значении «перейти» (*позволю себе перейти на личные темы. Вы влюблены сейчас*), местоимение *другой* (*давайте сейчас о другой мании. Поговорим о мании*), а также формы прошедшего и будущего времени глаголов речи и темпоральные наречия.